

Автор работы ставит своей задачей исследовать столь же значимый, сколь и запутанный феномен даймона в философии Марка Аврелия. Несмотря на не очень частое употребление термина *δαίμων* в текстах Марка Аврелия, он высоко оценивал его как смысл всей своей практической философии. В 2,17 «Наедине с собой» он пишет: «Она (философия - О.З.) в том, чтобы беречь от глумления и от терзаний поселенного внутри гения (даймона)». Как известно, в стоической философии представления о даймоне менялись. Согласно ранним представлениям, даймон присутствует в человеке как попечитель, но не является его частью. Изменение доктрины связано с именем Посидония. Фр. 187 Edelstein, Kidd даймону в себе (*τὸ ἐν αὐτοῖς δαίμονι*) противопоставляется низшая, животная часть. Даймон оказывается богом внутри, он есть его *ἀποσπασμα*, «кусочек», «осколок». Этот мотив встречается и у Марка Аврелия в 5,27. Однако в том же отрывке даймон сохраняет свои функции попечителя (*πρόστατης*) - также и в 3,5. Такое совмещение обеих линий вряд ли должно удивлять, т. к. даймону отводится ключевая роль соединителя божественного и человеческого. 5, 27 начинается с призыва: «Жить с богами». Это может означать также, что нужно сделать формально находящегося попечителя реальным главой и собственной жизнью. Среди исследователей сложилась точка зрения, что у Марка Аврелия *δαίμων* отождествляется с «ведущим» (*ἡγεμονικόν*) и с умом (*νοῦς*). Марк Аврелий, конечно, дает возможность для таких отождествлений (3,3; 3,7 etc.). Но в 3,16 Марк Аврелий проводит границу между умом и даймоном. Этот отрывок интересен также мотивом «запертых дверей» (именно так можно назвать его, см. также 3,7). Но эту границу не стоит преувеличивать. Марк Аврелий не говорит, что ум сам по себе плох, но, скорее всего, имеет в виду ограниченное применение разума. Разум должен быть пропитан «даймоническим светом», который дает философия, тогда его применение можно будет назвать надлежащим. В первую очередь даймоническое приносит общение, «открывает двери», как по отношению к богам, так и к людям. Без ключевой характеристики даймона, общения, не понять всю логику рассуждений Марка Аврелия.

Тема даймона связана также с проблемой связи Марка Аврелия с платонической традицией, для которой рассуждения вокруг демона Сократа стали общим местом. Другим важным местом для платоников стал отрывок из Тимея (Tim 90 a-c). Платон высшую часть души именует демоном, который «устремляет нас с земли к родному небу». Мысль Платона развивает далее Ксенократ (фр. 81). Но особенно важно здесь влияние Плутарха. Именно Плутарх жестко разводит *ψυχή* и *νοῦς*. Но для Плутарха ум-демон находится вовне и имеет самостоятельное существование (см. сравнение с поплавком в *De genio Socratis* 591d сл.). Кроме того, по Плутарху, ум-демон присущ не всякому (Марк Аврелий: «всякому...» (*ἐκάστω*), 5,27). Связь Марка Аврелия с Плутархом установить не очень трудно. Одним из учителей императора был Секст Херонейский, известный платоник 2 в.н.э., племянник Плутарха. Учеником Секста, возможно, также был и другой известный платоник, автор «Золотого осла» Апулей из Мадауры. Он мог учиться у Секста в Афинах в 150-х гг. По крайней мере, Апулей в начале «Золотого осла» упоминает Секста (1, 2). Подобно Марку Аврелию, Апулей связывает философию с почитанием своего демона (20-21). Кроме того, определение Марком Аврелием блаженства в 7,17, видимо, может быть сравнено с подобным у Апулея (ibid. 14). В соответствии с этим мне кажется более предпочтительной в 7,17 конъектура Дальфена, чем Гатакера.

С концепцией даймона связан также анализ категории «ведущего» (*ἡγεμονικόν*). Марк Аврелий связывает ведущее с понятием общей пользы и существа общественного (2,2; 3,4; 7,5 etc.). Можно даже говорить о ярко выраженной концепции Града у Марка Аврелия. При этом, с другой стороны, Марк Аврелий настаивает на само-связанности ведущего (*συνεῖλον*, 7,28). «*Μὴ περιβλεποῦ ἀλλοτρία ἡγεμονικά*» (7, 55) - «Не оглядывайся на чужие ведущие». Марк Аврелий хочет укрыться в своем ведущем и даже в 8, 48 сравнивает его с *ἄκροπολιν* 'ом. Как можно связать эти моменты? Они связываются через единство двух природ - общей и собственной. В 6, 36 Марк Аврелий говорит о всеобщем ведущем, и «*παντα ἐκεῖθεν ἐρχεται*», и во всем этом можно увидеть явно платонические интонации. С другой стороны в устройении (*κατασκευῇ*) личности уже заложен, как один из принципов, принцип общения (7,55). Но, видимо, чтобы пробиться к этим принципам, нужно сохранять «даймоническую» тишину (7, 28; 7,33). В этом проявляется ключевая ориентировка на «голос», характерная для демонологии. Плутарх в «*De genio Socratis*» пишет: «Речи демонов, разносясь повсюду, встречают отголосок только у людей со спокойным нравом и чистой душой». Еще Гесиод в «Трудах и днях» пишет, что золотое поколение превратилось в демонов (122), т.к. «жили те люди, как боги, с спокойной и ясной душой» (112-113). В 3,16 Марк Аврелий предостерегает *θορυβεῖν*, и одно из значений этого глагола - «шуметь, оглушать», что также очень показательно. Возможно, этот «уход в себя» следует интерпретировать как централизацию ведущего в себе, и этим центром является ум, даймон. Ведь Марк Аврелий часто относит к «ведущему» и убеждение (*ὁπολήσις*) (3,9; 5,26; 7,62 etc.) и стремление (7,62), да и вообще может предположить отсутствие в нем ума (10, 24)! Поэтому когда Марк Аврелий говорит о ведущем, уме и даймоне, то это не

просто тавтологии. При этом даймон, не раз связываемый с orthos logos (3,12 etc.), явно намекает на единство общей и индивидуальной природ. Это тоже одна из точек зрения на даймон.